

УДК 93
ББК 63.3(0)5

Александр Александрович Иванов,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1),
e-mail: ottisk@irmail.ru

«... На границе культур»: И. И. Попов в кяхтинской ссылке

Статья посвящена истории пребывания И. И. Попова, революционера, одного из активнейших работников «Народной Воли», в Западном Забайкалье в административной ссылке в 1885–1894 гг. На основании малоизвестных опубликованных материалов автор стремится показать участие Попова в организации общественной городской библиотеки, краеведческого музея, а также Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского Географического общества. Примечательно, что именно И. И. Попов одним из первых профессиональных историков начал систематическое научное изучение истории пребывания декабристов в Забайкалье, их влияния на местное общество, культуру, быт и просвещение. В Кяхте И. И. Попов стал формироваться и как журналист, талантливо пишущий на злобу дня и конструктивно критикующий недостатки сибирской действительности. Благодаря своим корреспонденциям, а также неизменной активной жизненной позиции, Попов пользовался уважением у многих замечательных современников, неоднократно приезжавших в Кяхту или живших здесь подолгу: Е. К. Брешко-Брешковской, Д. А. Клеменца, М. А. Лушниковой, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева. Пребывание И. И. Попова в Кяхте, таким образом, интереснейшая, но малоизученная страница политической истории Западного Забайкалья конца XIX в.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Кяхта, Троицкосавск, Селенгинск, политическая ссылка, декабристы, журналистика.

Aleksandr Aleksandrovich Ivanov,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003),
e-mail: ottisk@irmail.ru

“... On culture border”: I. I. Popov in Kyakhta exile

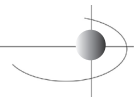
The article is devoted to history of stay of I. I. Popov, a revolutionary, one of the most active workers of Narodnaya Volya, in an administrative exile in Western Transbaikalia in 1885–1894. Based on the little-known published materials, the author seeks to show Popov's participation in organization of a public city library, museum of local lore, and Troitskosavsk-Kyakhta office of the Priamursky department of the Imperial Russian Geographical Society. It is remarkable that it was I. I. Popov who as one of the first professional historians began systematic scientific study of history of Decembrists' stay in Transbaikalia, their influence on local society, culture, life, and education. In Kyakhta, I. I. Popov began his development as a journalist who was skillful in writing topics of the day and criticizing shortcomings of the Siberian reality. Thanks to his correspondence and invariable active living position, Popov was respected by many remarkable contemporaries who repeatedly came to Kyakhta or lived there for a long time: E. K. Breshko-Breshkovskoy, D. A. Klements, M. A. Lushnikov, G. N. Potanin, N. M. Yadrinsev. Thus, I. I. Popov's stay in Kyakhta is the most interesting, but a little-studied page of political history of Western Transbaikalia in the late XIX century.

Keywords: Western Transbaikalia, Kyakhta, Troitskosavsk, Selenginsk, political exile, Decembrists, journalism.

Имя И. И. Попова хорошо известно исследователям политической истории «царской» России: один из активных работников петербургской организации «Народной Воли», он в 1884 г. был арестован и сослан в Западное Забайкалье, а затем, с 1894 по 1906 г., проживал в Иркутске. Его биография связана с изучением Монголии и Прибайкалья, появлением в регионе первых политических партий и движений, развитием демократической пе-

риодической печати и становлением городского самоуправления.

Несмотря на столь большую популярность и действительно весомую роль в общественно-политической жизни Прибайкалья конца XIX – начала XX в., научных исследований его биографии, за исключением двух-трёх кратких сообщений в справочных изданиях и энциклопедических словарях, нет. Настоящая статья призвана восполнить этот

заметный пробел и рассказать хотя бы вкратце о его пребывании в Кяхте в 1885–1894 гг.

Сибирский период биографии И. И. Попова начинается с 1885 г. Административно-ссылному Попову удивительным образом повезло: он был распределён не в холодную «Якутку», не на север Иркутской губернии, что было бы совершенно естественным, учитывая непримиримый радикализм «Молодой Народной Воли», а получил «назначение» «на юг» – в Западное Забайкалье, в Кяхту, город, находившийся на границе империи и потому практически закрытый для политических ссыльных. Впрочем, везение Ивана Ивановича объяснялось достаточно просто и имело конкретное имя – Вера Алексеевна Лушникова, его супруга, одна из дочерей знаменитого на всю Сибирь и могущественного селенгинского купца первой гильдии А. М. Лушников.

С Верой Лушниковой Иван Попов познакомился в Петербурге на квартире у известной «общественницы» А. Е. Шестаковой, где проходили всевозможные благотворительные вечера, а по воскресеньям собирались «сибиряки». Вера Алексеевна окончила гимназию Спешневой в Петербурге и слушала лекции на естественном отделении Бестужевских курсов, жила у своего дяди, горного инженера И. В. Баснина. Она была близка с Е. Н. Фигнер, приятельствовала с Неустроевой, женой казнённого в Иркутске учителя гимназии, прекрасно знала П. Ф. Якубовича. Каждый год на летние вакации Лушников уезжала домой, при этом брала с собой и привозила из Сибири конспиративные посылки. С ней-то петербургские студенты и отправляли большую часть нелегальной корреспонденции, а также деньги для поддержания малоимущих политических ссыльных [5, с. 143].

По всей видимости, брак Попова и Лушниковой был заключён в Петербурге в начале 1884 г., а в ноябре 1885 административно-ссылный И. И. Попов прибыл в Кяхту. Здесь в сентябре 1886 г. в его семье родился сын Александр, будущий исследователь творчества отца, много сотрудничавший в советское время с «Каторгой и ссылкой» и «Под знаменем марксизма» (скончался в 1966 г.).

Кяхта 1880-х годов – небольшая купеческая слобода, необычайно быстро разбогатевшая на торговле с Китаем, имела всего несколько десятков построек. Через Кяхту шли в Россию многочисленные караваны с чаем, называемым в стране кяхтинским, а в Европе – русским. Сами кяхтинцы считали свой посёлок городом, гордо именуя его «Песчаной Венецией». Было и ещё одно название

этого места – Забалуй-город – здесь располагались роскошные особняки купцов-миллионщиков, православный собор, построенный итальянцами, пожарное депо и команда, содержащиеся на счёт «общества», гостинный двор, где хранились тюки с товаром, а ещё женская гимназия, типография, редакция местной газеты, городской сад. К этому перечню следует добавить и действовавший колесный тракт до Байкала со своими станциями и ямщиками, выстроенный опять же на средства купцов.

Тесть И. И. Попова, А. М. Лушников, человек разносторонне образованный и культурный, был дружен со многими декабристами – С. Г. Волконским, И. И. Горбачевским, К. П. Торсоном, С. П. Трубецким, в своё время учился искусству рисования у самого Николая Бестужева, долго хранил его рисунки. Помимо торговли чаем, в которую были вложены миллионы, Лушников активно занимался благотворительной деятельностью – способствовал организации сиротского приюта, гимназии, нескольких школ, а в 1890-е гг. поддерживал Кяхтинский отдел Русского Географического общества и газету «Кяхтинский листок».

Материальная независимость, исключавшая необходимость добывать хлеб насущный каждодневным трудом, с чем, как правило, сталкивалось на месте поселения абсолютное большинство административных ссыльных, позволила И. И. Попову всерьёз заняться научными изысканиями по истории этого края: он исследует местные архивы, подробно анализирует частные книжные и этнографические коллекции.

В Селенгинске и Кяхте жива была память о ссыльных декабристах и Иван Иванович начинает систематизацию и накопление «исторических остатков» о «дворянских революционерах». Он расспрашивает и записывает рассказы старожилов, а поездка в Петровский Завод даёт ему знакомства с реальными рабочими и мастерами, в чьих семьях хорошо помнили «государственных преступников». И. И. Попов осматривает здесь сохранившиеся домики, принадлежавшие когда-то «секретным барыням», как звали заводчане жён декабристов, и неоднократно отмечает, как бережно хранят «простые люди» книги, предметы домашнего быта и религиозного культа, оставшиеся от ссыльных. «Декабристы, – резюмирует он, – пробудили в кяхтинцах интерес к политике и общественным вопросам ещё тогда, когда вся Россия была погружена в глубокий сон». Они «...очень много сделали

для Забайкалья и оставили по себе глубокую борозду», – делает вывод Попов из всего увиденного и услышанного [4, с. 40, 45].

Подчеркнём здесь, что И. И. Попов стал одним из первых исследователей-сибиряков, занявшихся профессионально изучением творчества, жизни и быта декабристов Забайкалья. «Рассказы-воспоминания моего тестя А. М. Лушникова и его друга Б. В. Белозёрова, о котором упоминает в своих письмах декабрист И. И. Горбачевский, и других сибиряков, – напишет он потом, – дали много ценного материала о декабристах, петрашевцах, поляках и старой Кяхте» [6, с. 7]. Отметим, что «много ценного» дали не только рассказы. Так, сам И. И. Попов как-то обратил внимание на статью М. А. Бестужева в газете «Кяхтинский листок» (1862, № 6), где некоторые фамилии были обозначены автором только первыми буквами. Позже он обнаружил ветхий экземпляр этой газеты с пометками, сделанными когда-то рукой декабриста, и по ним сумел расшифровать криптонимы [3, с. 63].

В Кяхте и Троицкосавске 1880-х гг. политические (и уголовные) ссылки насчитывались единицами – пограничное положение этих мест, близкое соседство с Монголией исключало размещение здесь государственных преступников. Среди редких «политиков» – автор называет И. А. Горяинова, С. М. Дудина, П. И. Торгашева, И. А. Юферова – выделялся Н. А. Чарушин, народоволец, один из основателей «кружка чайковцев». В город он приехал с супругой из Нерчинска, где, отбывая положенное законом наказание, брал уроки фотографии у ссыльного нечаевца А. К. Кузнецова, а затем открыл в Кяхте свою фотомастерскую. Долгие беседы и воспоминания о Петербурге и Москве подтвердили совпадение многих политических взглядов Попова и Чарушина, что способствовало их быстрому сближению и даже дружбе, а неистребимая жажда общественно-политической деятельности привела обоих ссыльных к совместной работе на благо Забайкальского края.

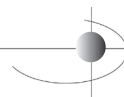
Первым делом ссыльных народников стала организация кяхтинской городской библиотеки. Попов вспоминал, как они с большой энергией собирали по пыльным чердакам старинные книги, составляли устав, формировали комитет будущей общественной библиотеки и даже добились выделения отдельного большого помещения, а также немалой годичной субсидии в 600 рублей от местного купеческого общества, чему в боль-

шой степени, естественно, способствовал авторитет и положение А. М. Лушникова [4, с. 98].

За библиотекой последовала организация краеведческого музея, для которого ссыльные сначала собрали из домов горожан, а затем систематизировали внушительное количество экспонатов, имевших научное значение. Далее было учреждение Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского Географического общества, ставшего скоро центром подлинно научного исследования края, в том числе национальной культуры и языка бурятского народа. Значительную помощь в организации музея и отделения оказывали Г. Н. и А. В. Потанины и Д. А. и Е. Н. Клеменцы, часто бывавшие в городе и рассматривавшие Кяхту отправным пунктом своих научно-исследовательских экспедиций, а также Ю. Д. Талько-Грынцевич. В своих воспоминаниях И. И. Попов описывает публичную лекцию, прочитанную Г. Н. Потаниным осенью 1886 г. по поводу необходимости скорейшего открытия музея. Лектор сразу же значительно отклонился от заявленной темы, много говорил о неравных взаимоотношениях государства и Сибири, о том, что «центр приносит больше вреда, чем пользы», что «в государственном строительстве нужно идти от периферии к центру, а не наоборот. Устраивайте область, а из областей составится государство» [4, с. 103].

В Кяхте И. И. Попов занимался и педагогической деятельностью. Сначала он вёл уроки с многочисленными братьями и сёстрами своей супруги, затем – с городскими купеческими «барынями и барышнями». Интересно отметить, что здесь Иван Иванович вновь, как в Петербурге в начале 1880-х годов, обращается к К. Марксу. По всей видимости, на этот раз толчком к возобновлению интереса стало чисто утилитарное стремление объяснить ученицам законы появления прибавочной стоимости. Так или иначе, а в течение «двух зим» кяхтинская молодёжь под руководством Попова штудировала «Капитал», не касаясь, впрочем, революционной теории ломки устаревших общественно-производственных отношений [4, с. 66].

Не так далеко от Кяхты, в Селенгинске, проживало на поселении несколько больше политических ссыльных. С ними у Попова сразу же сложились «ровные» товарищеские отношения. Среди тамошних «политиков» самой известной была Е. К. Брешко-Брешковская – знаменитая «бабушка русской револю-

ции». В 1885 г. «бабушке» шёл лишь 41 год, её имя было известно только в узком кругу единомышленников и ещё не ассоциировалось ни с аграрным террором, ни с партией социалистов-революционеров начала XX в. В Селенгинск Брешковская была сослана за попытку побега из Баргузина, она провела здесь восемь лет. Вот как описывает И. И. Попов свои впечатления от встреч с Брешковской: «... большие знания Е. К., её сведения по медицине, запас лекарств, который всегда у неё имелся, привлекали к Е. К. не только обывателей-селенгинцев, заезжали и из деревни крестьяне и буряты, советовались с ней даже по вопросам сельского хозяйства. Е. К. обучала ребят грамоте, а барышням преподавала иностранные языки». Некоторых жителей шокировал костюм Брешковской, постоянно носившей мужские брюки и сапоги, но они полюбили эту женщину за всегдашнюю готовность откликнуться на чужую беду и помочь [4, с. 105].

Вообще, Селенгинская ссылка оставила у Брешковской тягостные воспоминания. Здесь революционерка испытала сильнейшее разочарование в местном крестьянине как объекте народнической пропаганды. «Тамошние крестьяне, – писала она позднее, – складом своего ума и характера настолько отличались от крестьян российских губерний, что при ближайшем с ними ознакомлении, не вызывали во мне большой охоты беседовать... Обилие земли и почти полное отсутствие начальства, особенно в глухих местах, выработали из восточного сибиряка настоящего «янки», индивидуалиста, занятого исключительно собственным благосостоянием» [1, с. 117].

Невосприимчивость крестьянина-сибиряка к народническим догматам о социальном равенстве заставила Брешковскую обратиться к разнообразной «культурной работе»: в Баргузине и Селенгинске она обучала местных детей грамоте, взрослых жителей – шитью и огородничеству. Кроме этого, «бабушка» стала весьма успешно лечить бурят, до этого практически ничего не знавших об официальной медицине. «Для каждого человека, с которым она приходила в соприкосновение, у неё находилось доброе слово, приветливая улыбка и интересная тема для беседы. Она была чрезвычайно проста в обращении и внушала к себе доверие с первой же встречи. Дети, молодёжь, пожилые люди – все чувствовали себя у неё в доме так легко, как в доме родного человека», – такие несколько идиллические воспоминания оставил

о «бабушке» М. А. Кроль, также отбывавший в это время селенгинскую ссылку [2, с. 126–127].

Из иных представителей селенгинской ссылки следует упомянуть здесь также К. Я. Шамарина, сосланного в Сибирь «за участие в преступной пропаганде». Шамарин, как и Брешковская, пытался бежать из Баргузина, за что получил четыре года «Якутки», вернулся и был распределён в Селенгинск на поселение. Он оставил заметный след в культурном развитии города тем, что скрупулезно занимался очень важным делом – восстановлением местного архива. Вот как написал об этом В. В. Птицын: «замечательный в историческом отношении городской архив Селенгинска находился в весьма плачевном положении, так как его самая интересная часть, заключающая в себя самые старые дела, ещё ранее по чьему-то приказанию была увезена из города и «сложена в соляных амбарах на устье Селенги в Чертовкинской пристани, где вскоре первое наводнение смыло амбары и погребло в волнах Байкала все архивные документы. Так этот господин Шамарин в полгода почти без всяких средств разобрал селенгинский архив, установил его по полкам по новейшей системе в отдельном, хотя и деревянном помещении и составил подробнейший и превосходный каталог» [8, с. 7].

Живя в Кяхте и Селенгинске в окружении столь одарённой местной и «пришлой» интеллигенции, И. И. Попов занимался не только изучением наследия декабристов и организацией музейного дела. Именно здесь он впервые почувствовал и непреодолимое влечение к литературной работе, к журналистике. Надо сказать, что первая проба пера состоялась ещё в студенческие годы, под влиянием П. Ф. Якубовича, однако только в ссылке это неосознанное стремление получило свою постоянную реализацию – собранный материал по истории Западного Забайкалья настоятельно требовал публикации и читательского обсуждения. «Из Кяхты, – вспоминал впоследствии Попов, – начал писать в «Сибирскую газету» и «Восточное обозрение» [7, с. 184].

Действительно, в 1888 г. в «Сибирской газете» была опубликована, по всей видимости, одна из первых статей периода ссылки под названием «Кяхта и Троицкосавск». При этом надо иметь в виду, что для административно ссыльного Попова участие в известной на всю Сибирь томской газете могло не понравиться властям и закончиться плохо, например увеличением срока наказания. Тем

не менее уже в этом материале И. И. Попов выступает как вполне зрелый публицист, не боящийся писать на весьма острые вопросы местной жизни. В небольшой по объёму статье автор сумел поднять сразу несколько проблем, сгруппировав их по трём направлениям: изъяны городского самоуправления, несправедливое налогообложение и, конечно же, «рабочий вопрос».

В начале статьи автор подчёркивает хорошо заметный контраст между Кяхтой и Троицкосавском. Роскошь и достаток во всём у одних, нищета и запустение – у других: «Кто не знает Кяхты? При имени же Троицкосавска наверно 9 человек из 10 должны заглянуть в календарь, в список населённых мест, чтобы определить, в котором конце Российской империи он находится. А между тем официально Троицкосавск есть город Забайкальской области, тогда как Кяхта лишь его *слобода* (курсив автора. – А. И.)». При этом на Кяхту, «на её чистоту, богатство, церкви и пр. любо взглянуть», а «рядом лежащий Троицкосавск по бедности общественных зданий, по убожеству обывательских лачужек представляет полнейшую противоположность со своей слободой»¹.

Между тем троицкосавские рабочие имеют также право на прибыль от транспортировки чая – именно их трудом, утверждает автор, укрепляются купеческие капиталы. И не только трудом: скрупулезно проанализировав городской бюджет за последние два-три года, Попов выяснил, что рабочие также отчисляют туда денежные средства. При этом они вместе с мелкими служащими платят 5 % со своего заработка, а купцы – лишь налог с торговых билетов и свидетельств. Такое несправедливое налогообложение даёт поразительный, невероятный результат: нищие рабочие вносят в бюджет города больше, чем «толстосумы-купцы». В качестве подтверждения столь парадоксальной ситуации автор приводит выписку из бюджета 1886 г.: тогда сбор с рабочих артелей составил 3956 р., а с предпринимателей – 3874².

Для автора, да и читателя очевидно: городскому самоуправлению следует выработать и законодательно обосновать справедливое распределение совокупного продукта – тогда рабочий Троицкосавск будет выглядеть также примерно, что и Кяхта. А вот этого-то и не происходит, ведь большинство мест в городской думе из года в год занимают не

¹ Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 25. – С. 8.

² Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 10.

троицкосавцы, а богатые кяхтинцы, принимающие удобный и выгодный для себя бюджет.

И. И. Попов и здесь провёл доскональное расследование, показавшее, что гласные в Троицкосавскую думу избираются тремя разрядами жителей: богатыми купцами, высокооплачиваемыми служащими и наконец мелкими приказчиками и конторщиками, полностью зависимыми от первых двух категорий. Составляя большинство жителей, а значит и избирателей, эти последние к выборам «относятся равнодушно, прекрасно понимая своё бессилие и даже опасность поднимать голос против патронов. Поэтому-то собрания думы у нас идут без всяких прений, с редким «единодушием»», – с сожалением констатирует автор³.

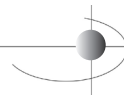
Оставаясь верным народническим идеалам, И. И. Попов просто не мог обойти своим вниманием и «рабочий вопрос». Конечно, положение троицкосавского пролетария было несколько легче существования наёмного работника где-нибудь в Иваново, но и здесь автор обнаруживает похожую картину «выжимания прибавочного продукта» любой ценой: «гигиенические условия, в которых работают люди, – утверждает он, заглянув в помещения для чистки чая, – невозможны: небольшие, тёмные, нередко совсем без окон избы, лишённые какой-либо вентиляции, грязь, тяжёлая, изнуряющая работа, непривыкшему человеку там невозможно пробыть и 10 мин, едкая пыль от заплесневевших «кирпичей» витает в воздухе, и нет возможности разглядеть, что делается в двух шагах...»⁴

Как устранить столь явное угнетение рабочих? Конечно, надо прекратить вычитывать из их и без того небольшого заработка (15–20 р.) 5 % налог. Следует также изменить положение о выборах в городскую думу и непременно обеспечить сносные условия труда и отдыха. Однако, как полагает автор, не это главное. Панацея, по его мнению, и это звучит в самом конце статьи, в недостатке «формальной законности». Иными словами, нужно изменение законодательства на государственном уровне, повсеместное введение рабочего страхования и медицинской помощи, ограничение продолжительности рабочего дня. Только тогда рабочий Троицкосавск будет выглядеть так же «блестяще», как и купеческая Кяхта.

В далёкой забайкальской ссылке Попов-журналиста интересуют не только вопро-

³ Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 9.

⁴ Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 10.

сы социальной справедливости. Он также охотно пишет об истории российско-монгольских и российско-китайских отношений, специфике и динамике торговых оборотов, первых караванах с чаем, расцвете и упадке Кяхты¹.

Особое место в кяхтинских статьях И. И. Попова занимает проблема провинциальной интеллигенции. Автор, как и большинство народников, считает, что долг интеллигенции – просвещение своего народа, воспитание «простых людей» на традициях русской культуры. Между тем в Кяхте, где автор весной 1893 г. насчитал не менее «30 дипломированных интеллигентных людей», некому провести городские «народные чтения». Попов напоминает, «что истинно интеллигентные люди не должны ограничиваться только одним выполнением своих прямых, обязанностей – врача или учителя, но также их обязанность воздействовать будирующим образом на среду вне сферы их профессий; только при таком условии и возможны прогресс и гармоническое развитие общественных, просветительных и вообще культурных тенденций в обществе»².

В июне 1889 г. формальный срок ссылки закончился, и И. И. Попов уехал за границу, в Париж, где завёл знакомства со многими знаменитыми русскими эмигрантами. С одними связи оказались мимолетными, с другими – охотно поддерживались многие годы, даже из Советской России. В своих воспоминаниях с нескрываемой симпатией Попов пишет о встречах с В. Л. Бурцевым, П. Л. Лавровым, Л. Э. Шишко и некоторыми другими эмигрантами.

Однако поездка в столицу Франции была не только и не столько отдыхом от ссылки. По поручению М. А. Натансона, несомненно-го лидера иркутской колонии ссыльных того времени, И. И. Попов вёз в Париж для широкой огласки в западной прессе материалы о так называемой «Якутской трагедии». Он должен был постараться передать свидетельства очевидцев расстрела представителям зарубежной прессы. Чтобы рассказы ссыльных не были изъяты и утрачены при обыске на границе, Иван Иванович решил заучить их наизусть, а подлинные документы оставил в Иркутске. Поручение Натансона он выполнил блестяще: на основании его сведений во французских и английских социалистических

¹ И. П-в [Попов И. И.]. Страничка из истории Кяхты (первый караван) // Восточное обозрение. – 1892. – № 51. – С. 8–9; Попов И.И. Русская торговля на Дальнем Востоке // Восточное обозрение. – 1895. – № 76, 77.

² Ното [Попов И. И.]. Запросы жизни и отношение к ним интеллигенции в Кяхте // Восточное обозрение. – 1893. – № 15. – С. 9.

газетах были опубликованы материалы о расстреле, внесшие свой вклад в решение царского правительства провести хотя бы формальное расследование этой трагедии.

Встречи в Париже с русскими эмигрантами не остались незамеченными для российских охранительных служб. По возвращении в Петербург И. И. Попов был вызван к самому министру внутренних дел П. Н. Дурново, который, выказав удивительную осведомлённость о заграничном вояже Ивана Ивановича, настоятельно «порекомендовал» ему как можно скорей вернуться назад в Кяхту. Так, формально закончившаяся административная ссылка, была фактически продолжена негласным надзором полиции и запретом посещать столичные, а также университетские города России [7, с. 342].

И. И. Попов вернулся в Кяхту. Следующие за этим событием годы, вплоть до 1894, прошли для него под знаком участия не столько в политической, сколько коммерческой деятельности Западного Забайкалья. Дело в том, что А. М. Лушников решил передать ему в управление часть своего огромного «дела», и не зная до этого «бухгалтерии» И. И. Попов вынужден был даже взять себе помощника. По делам фирмы тестя летом 1891 г. он совершил настоящее путешествие по Сибирской железной дороге и доехал до Ташкента, разбираясь в многочисленных филиалах с оборотами и отчётностью, проведя в пути почти год [6, с. 182; 26].

В середине 1894 г. И. И. Попов переехал из Кяхты в Иркутск. Теперь в Забайкалье И. И. Попов бывал эпизодически, редко: летом 1901 г. он приезжал на похороны А. М. Лушникова, а в 1903 побывал в Кяхте перед длительной поездкой за границу. По всей видимости, следующий приезд состоялся уже в 1909 г. Кяхта, Селенгинск больно поразили своим запустением. Об этом можно прочесть у Е. Петряева, процитировавшего записи Попова из неопубликованного четвёртого тома «Минувшего и пережитого»: «Двадцать пять лет назад, – писал Попов, – когда я, невольный путешественник, приехал в Селенгинск, он показался мне вымирающим городом – половина домов стояла заколоченными. Теперь же, в 1909 году, заколоченных домов было уже две трети... Могилы декабристов Н. А. Бестужева, К. П. Торсона, его детей, жены М. А. Бестужева, которые всегда поддерживали А. М. Лушников и Б. В. Белозёров, так же пришли в ветхость, а памятники и часовня у могил частью рассыпались... Помня, как мой покойный тесть заботился об

этих могилах, я задержался в Селенгинске и отремонтировал памятники. Дом Н. А. Бестужева пришёл в окончательную ветхость. С тяжёлым чувством я покинул Селенгинск» [3, с. 51–52].

После Октябрьской революции И. И. Попов работал в московском обществе потребителей «Кооперация», кооперативном клубе, различных историко-революционных издательствах, Центральном бюро краеведения, Московском областном музее. Состоял членом группы народолюбцев при Всесоюзном обществе бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Систематизировал свой архив, писал и публиковал воспоминания о современниках и богатой событиями жизни.

Вот как пишет о последних днях И. И. Попова Е. Д. Петряев: «Жил он в Москве на Неглинной... В январе 1941 г. мне привелось навестить его. В комнате на четвёртом этаже за столом, заваленном книгами и рукописями, он с помощью сына Александра Ивановича

разбирал «сибирские залежи». Сказал, что его желание навестить Сибирь и особенно дорогую ему Кяхту уже явно невыполнимо: «Во всём меня заменит сын – мой редактор, соавтор и наследник» [6, с. 4].

И. И. Попов умер в феврале 1942 г. от воспаления лёгких, похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с могилами товарищей-народолюбцев.

Как видим, Кяхтинский период в жизни И. И. Попова был отмечен важными событиями: здесь Иван Иванович начал профессионально исследовать влияние декабристов на местное общество, занялся журналистикой, что предопределило его многолетнее редакторство в «Восточном обозрении», сотрудничество во многих публицистических изданиях Европейской России. Благодаря своей энергии и активной общественной позиции, Попов сумел оказать заметное влияние на организацию учреждений науки, просвещения и культуры в Кяхте в конце XIX века.

Список литературы

1. Брешковская К. Воспоминания и думы // Социалист-революционер (Париж). 1912. Вып. IV.
2. Кроль М. А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. с.
3. Петряев Евг. Впереди – огни. Очерки культурного прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 340 с.
4. Попов И. И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет). Л.: Колос, 1924. Ч. 2: Сибирь и эмиграция. 290 с.
5. Попов И. И. Минувшее и пережитое. М.; Л.: Academia, 1933. С. 143.
6. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
7. Попов Иван Иванович: Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энцикл. словарь бр. Гранат. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 182–186.
8. Птицын Вл. Киренский архив. [Б. м.], [б. г.]. С. 5–7.

References

1. Breshkovskaya K. Vospominaniya i dumy // Sotsialist-revolutsioner (Parizh). 1912. Vyp. IV.
2. Krol' M. A. Stranitsy moei zhizni. M.; Ierusalim: Mosty kul'tury, 2008. s.
3. Petryaev Evg. Vpered i – ogni. Ocherki kul'turnogo proshlogo Zabaikal'ya. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1968. 340 s.
4. Popov I. I. Minuvshee i perezhitoe (vospominaniya za 50 let). L.: Kolos, 1924. Ch. 2: Sibir' i emigratsiya. 290 s.
5. Popov I. I. Minuvshee i perezhitoe. M.; L.: Academia, 1933. S. 143.
6. Popov I. I. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1989. 384 s.
7. Popov Ivan Ivanovich: Avtobiografiya // Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Entsikl. slovar' br. Granat. M.: Sov. entsikl., 1989. S. 182–186.
8. Ptitsyn Vl. Kirenskiy arkhiv. [B. m.], [b. g.]. S. 5–7.

Статья поступила в редакцию 15.06.2015